

Александр ЕРШОВ

г. Петрозаводск

НАЧНЕМ С ПОЭЗИИ...

Ох, сейчас критики и поэты будут меня кистерить за несовершенство формы и неумение писать стихи. Типа, «не умеешь – не берись».

Готов к этому и все равно вывалю на суд общестственности те строчки, что родились у меня на берегах озера Долгое. Самого глубокого и одного из красивейших белорусских озер...

*Может, было бы лучше,
Чтобы шум был, веселье и гомон?
Чтобы прямо мне в уши
Плескало хохочущим громом?*

*Может, было бы лучше...
Но в грохоте я утону.
Может, было бы лучше...
Но слушать люблю тишину...*

Да и пусть ругают меня критики и поэты сколько им угодно!

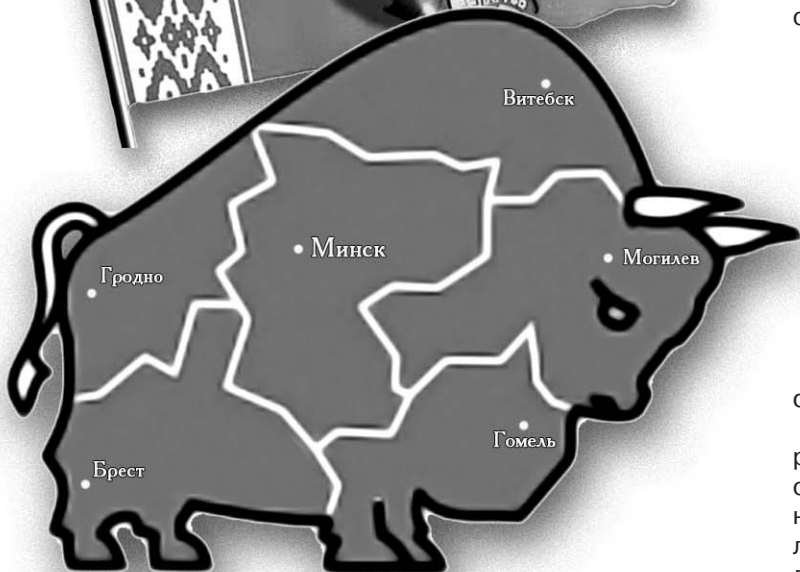
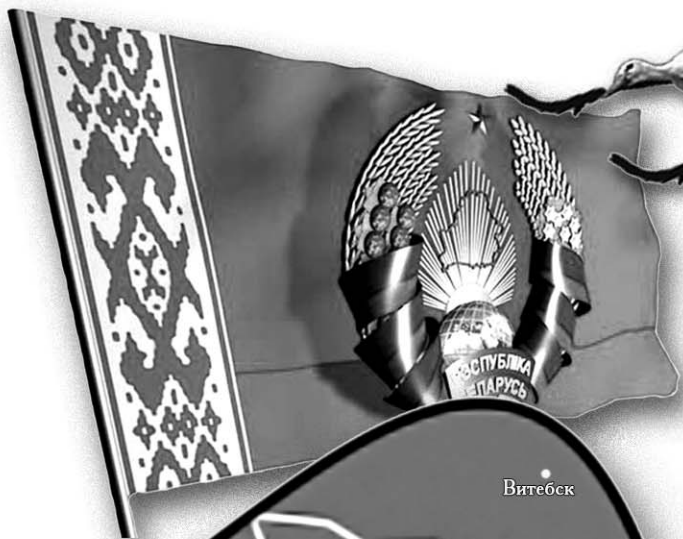
Если бы они сами сидели вечером на террасе маленького дома и смотрели, как над одним озерным берегом в небе постепенно наливается золотом луна, а на противоположном берегу озера в это время где-то за лесами у белорусско-литовской границы заходит за горизонт, постепенно умирая, солнце, то неизвестно, что бы они еще написали.

И рождение луны, и умирание солнца происходило в абсолютно волшебной, невероятной тишине. Такой тишины я не слышал никогда в жизни, правда. И только ради нее стоило ехать сюда, в маленькую белорусскую деревню – всего-то дворов чуть больше двадцати – с красивым названием Долгое.

Каждый день там я наслаждался этой тишиной...

Э-э-э, что-то меня на лирику потянуло. Както не свойствен мне сей жанр. Нет, братья и сестры, начинать надо не с лирики, а с того, как мы с Леной оказались в этой белорусской деревне и как вообще возникла у нас идея прокатиться по Беларуси.

Тем более что спрашивали нас об этом не раз.

Моя белорусская Мозаика

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ... И ПОЕЗД «МУРМАНСК – МИНСК»

Как только мы решили провести отпуск в Беларуси и сообщили об этом друзьям и знакомым, так сразу горохом посыпались вопросы: «А зачем вы туда едете?», «Вы в какой-нибудь санаторий лечиться едете, да? Там они дешевле...», «Вы там хотите что-то купить?», «Что вы там вообще забыли, а?»

И как только мы добрались до братской страны, нас сразу тут же стали удивленно спрашивать: «Ребята, зачем вы сюда приехали?!», «Что вы здесь хотите увидеть?», «Неужели у нас так интересно?» И тоже: «Что вы вообще здесь забыли, а?»

Спрашивали у нас там об этом и мой друг (о нем я обязательно расскажу), и наш гид в Минске, и хозяйка агроусадьбы «Живица», где я и слушал волшебную тишину, и водители такси...

Отвечали коротко и тем, и другим: «Просто нам интересно...»

Да и на самом деле, за последние годы в России уже столько написано о том, как живет людям в этой бывшей советской республике, что волей-неволей захочешь своими глазами на это посмотреть.

Ведь одни с пеной у рта доказывают, что в Беларуси чуть ли не рай земной и граждане там довольны, счастливы и поют гимны в честь их бесменного президента Александра Григорьевича Лукашенко. Другие так же страстно обличают режим «последнего диктатора Европы», жалеют белорусов, живущих под «гнетом КГБ», и предсказывают скорый развал белорусской политической и экономической систем.

Вот мы решили отправиться в эту «райско-диктаторскую страну», чтобы составить собственное мнение о «белорусской государственной модели».

О! Как-то слишком официально получилось. Попробую по-другому: да, нам очень хотелось посмотреть на страну, где вместо мэрий – исполкомы, вместо супермаркетов – универмаги, где все делается по ГОСТам, гаишники не берут взяток и до сих пор существуют колхозы.

Кроме этого, как я уже говорил, в Минске у меня живет друг, которого я не видел семь лет. Мы познакомились с ним в Карелии, потом вместе замечательно провели время на знаменитом витебском фестивале «Славянский базар», где я снимал о «Славянке» фильм.

Итак, днем 15 августа 2012 года мы с Леной, волоча чемоданы, ввалились в купе поезда «Мурманск – Минск».

От Петрозаводска до белорусской столицы ехать ровно сутки, поэтому мы очень рассчитыва-

ли на хорошую... ну, по крайней мере, не проблемную компанию соседей и, главное, без маленького ребенка.

Отчасти наши надежды оправдались. Маленьких детей в купе не обнаружилось. Зато там сидели крепкий, наголо бритый мужчина лет чуть за сорок с золотой цепью на шее и скромная девушка.

Мужика с золотой цепью, очень похожего на братка образца начала девяностых годов, звали Андрей. Скромную девушку – Марина. И он, и она – белорусы.

Марина из Минска, приезжала в наш город в гости к подруге, с которой училась в Петрозаводском коммунальном колледже. В Беларуси работает экономистом. Первые несколько часов она стеснительно молчала, забившись в уголок.

Зато Андрей оказался очень говорливым. Своей манерой говорить он напомнил мне разгоняющийся паровоз. Сначала медленно: «Чух... чух... чух... чух... чух...» Потом быстрее: «Чух-чух-чух-чух-чух...» А потом вообще без остановок: «чухчухчухчухчухчухчухчухчух...» Даже минута молчания, в конце концов, стала для него пыткой.

Начав с надоевшего уже нам вопроса: «А зачем вы к нам едете?», далее он плавно перешел к истории своей жизни.

Начало рассказа было более-менее понятно. Андрей приехал из Белоруссии в Карелию двадцать лет назад. «Чем я занимался? Да так... всяко бывало... короче, бизнесом». И он неопределенно pokrutil пальцами перед собой. Сходство с добрыми молодцами из лихих девяностых еще более усилилось. «Ну, так вот здесь у вас так и прижился. Торгую мебелью».

А вот далее показания Андрюхи стали какими-то противоречивыми.

Я и Лена, люди-то мы компанейские и хлебосольные, угостили его захваченным из дома армянским коньячком, что еще больше возбудило нашего соседа. После версии о торговле в Карелии белорусской мебелью нам была озвучена еще одна: «Занимаюсь лесным бизнесом». Еще один глоток коньяка – и еще вариант: «У меня есть цех, где мы с братом делаем мебель под заказ». Затем еще: «Вот съезжу сейчас домой, вернусь и буду открывать магазин в центре Петрозаводска...»

Потом нашего соседа пробило на семейную тему.

– Ты не представляешь, зачем я домой-то еду, – доверительно шептал он мне в ухо. – Буду с женой дочку знакомиться, с зятем будущим. Я пока в России у вас работал, в Белоруссии дачу себе построил, дочке опять же – она у меня в Минске в университете учится – квартиру уже купил. Знаешь, Саня, хорошо мне вот так вот: здесь работаю, значит

там, дома, я богатый человек! Мне, – и он стукнул себя кулаком в грудь, – мне друзья завидуют!

– А по родине не скучаешь?

Мой вопрос заставил его на какие-то секунды замолчать. А потом Андрюха навел на глаза грустинку и ответил:

– Скучаю, брат! Конечно, скучаю! По еде нашей скучаю. Знаешь, какие в Белоруссии сливки? Таких сливок у вас даже близко нет. Я вот завтра приеду домой, куплю свежего хлебца нашего, душистого, вкусного. Куплю два пакетика сливок белорусских, родных, зачту это все и прибалдею!

– Да я не это имел в виду. По дочке, по жене, по родителям не скучаешь?

– А что жена? А жена у меня, между прочим, парикмахер экстра-класса. В лучших салонах Минска работает! А иногда и в Петрозаводск приезжает на месяц-два в ваших парикмахерских работать. Ее охотно приглашают, понял?

– А чего она сюда-то приезжает? К тебе чтобы поближе быть?

– Да и это тоже, – Андрей задумчиво потер нижнюю губу. – Но в основном подзаработать. В Белоруссии-то она копейки получает, если честно... По сравнению с вашими зарплатами, конечно. А по дочке что мне скучать, мы с ней переписываемся, созваниваемся, она у меня уже вон взрослая совсем...

– А родители у тебя живы?

– Батя умер, а маманя жива... У нее свое хозяйство, дом. Пенсию большую получает. Два миллиона наших, представляешь? Не бедствует...

Тут Андрюха задумался. Видно, понял, что опять приврал.

То, что он приврал насчет мамкиной пенсии, я-то знал точно. Перед поездкой читал в «Белорусских новостях» в Интернете, что средняя пенсия пенсионеров у них в феврале 2012 года составляла всего-то миллион двести девять тысяч белорусских рублей. Это где-то четыре тысячи семьсот рублей наших, или 150 американских долларов. Не разбежишься. Тем более что далеко не все и эти миллион двести девять тысяч получают, это я узнал уже, когда приехал туда.

Сами белорусы говорят, что мизерная пенсия заставляет ушедших на заслуженный отдых людей вновь искать работу. Те же «Белорусские новости» писали: «Учитывая невысокие белорусские пенсии, неудивительно, что многие белорусы продолжают работать даже после достижения пенсионного возраста. Причем, надо сказать, наши пенсионеры – самые трудолюбивые. Согласно данным статкомитета СНГ, в 2011 году в Беларуси продолжали работать 25% пенсионеров. Для сравнения: в Азербайджане

работавшими были только 10% пенсионеров, в Украине – 15%, в России – 19%, в Казахстане – 10%... Большая доля работающих пенсионеров в Беларуси свидетельствует о том, что люди оценивают уровень пенсий как недостаточный для нормального образа жизни. Еще в 2007 году мы проводили исследование, изучали, как население оценивает свою пенсию. Лишь около 2% опрошенных выразили тогда мнение, что белорусская пенсия позволяет достойно жить».

Правда, с ноября 2012 года белорусские пенсионеры получили значительную прибавку, и теперь там средняя пенсия составляет миллион восемьсот восемьдесят семь тысяч «зайчиков». Или немногим менее 7350 российских рублей, или 273 американских доллара. И, как я понимаю, такая «средняя» пенсия тоже далеко не у каждого пожилого белоруса.

Я решил выручить Андрюху и сменил тему:

– А что ты в России бизнес решил вести, а не у вас дома?

Сосед обрадовался такому переходу и охотно вновь затараторил:

– Да у нас, блин, просто невозможно свое дело открыть! Пока все инстанции пройдешь, везде регистрируешься – посидеешь. А потом налоговая замучает: эти же сволочи каждую копейку будут проверять. Где что найдут – сразу штраф или что еще похуже... Не, у вас тоже, конечно, свои тараканы есть. Но все равно легче в России: взятку дал, откат принес за договор – и работой спокойно. Не, у вас лучше...

Я даже не знал, как реагировать на такой неожиданный сравнительный анализ...

И тут в разговор о современных белорусских реалиях включилась вторая наша соседка – Марина. До этого она тихо обсуждала с Леной достоинства и цены на белорусскую косметику, а тут вдруг решила внести свою лепту:

– Да мы в Белоруссии вообще все под колпаком ходим! Нас же контролируют, как в концлагере!

– Seriously? Например?

– Да помните теракт в Минске? В метро?

Конечно, я помнил о страшном взрыве, что прогремел 11 апреля 2011 года около шести вечера на одной из самых больших станций Минского метрополитена. В тот день погибли пятнадцать ни в чем не повинных людей и двести три пострадали.

Злодеев нашли быстро, судили и приговорили к высшей мере. Несмотря на дикий вой с Запада, Лукашенко отказался помиловать осужденных, и их расстреляли...

Многие тогда у нас в России вспомнили взрывы в

доме на Каширском шоссе, в подземном переходе на Пушкинской площади, на станциях метро «Лубянка» и «Парк культуры», «Норд-Ост» и другие деяния подонков-террористов, в результате которых погибли сотни детей и взрослых. Вспомнили и горячо сочувствовали белорусам.

У очень многих в России приведение приговора убийцам в исполнение вызвало одобрение...

– Конечно, помню. И что?

– А то, что после этого теракта на станциях нашего метро исчезли все скамейки...

– Так это, наверное, для того, чтобы под них сумки с бомбами не ставили?

– Да. Но... – тут Марина заговорила шепотом. – Но теперь на станциях полно милиции и кагэбэшников в штатском, и телефоны стали прослушивать. Это я точно знаю!

– Откуда?

– Это мне подруга говорила, а уж она-то точно знает. Да у нас все знают об этом! И раньше-то тоже прослушивали, а сейчас – вообще ужас!

– Ясно... Да-а-а-а, нет демократии...

– Нет-нет! А еще вы слышали про «плюшевый десант»?

Ну, конечно же, я слышал про «плюшевый десант»! Этот забавный политический эпизод в российских СМИ освещался подробно, смачно и долго. В Беларуси же его последствия были весьма серьезны.

Значит, дело – напоминаю тем, кто не помнит подробностей – было так.

4 июля 2012 года (за полтора месяца до нашей с Леной поездки в Белоруссию) маленький самолетик, в котором сидели сорокалетний швед Томас Мазетти и его двадцатидвухлетняя землячка Ханна-Лине Фрей, пересекали воздушную границу между Литвой и Белоруссией. Как утверждают сами пилоты, они долетели до Минска и сбросили в его окрестностях, а также над маленьким старинным городком Ивенец в Минской области 879 плюшевых медведей, к которым были прикреплены листовки с призывом соблюдать права человека в Республике Беларусь. Затем эта парочка спокойно вернулась на литовский аэродром.

Сначала официальные лица Беларуси вообще отказывались признать факт нарушения воздушного пространства страны. Потом все же признали. И полетели головы.

Батяка, разозлившись, выгнал с должностей командующего войсками ПВО и главного белорусского пограничника. Получили крепкий нагоняй министр обороны, начальник Генерального штаба, госсекретарь белорусского Совета безопасности и председатель КГБ.

Под горячую руку белорусского президента попал и посол Швеции в Беларуси, которого выслали из страны, хотя МИД Швеции клятвенно уверяло, что никакого отношения к этим проклятым плюшевым монстрам не имеет. Досталось и Литве за то, что она допустила незаконное пересечение границы бомбардировщика игрушками.

Хотя... думаю, что любая страна мира также бы попросила разъяснить, какого черта с иностранного аэродрома без всяких разрешений что-то там летит в ее воздушное пространство...

В Белоруссии во время акции некий швед снимал все происходящее на видео, которое потом выложил в Интернет. Снял самих медвежат, уже, правда, лежащих на земле, и один белорусский фотограф.

– Так вот, – продолжала шепотом Марина. – Тот фотограф, что снимал мишек на земле, и тот паренек-риелтор, через которого друг пилотов – швед – хотел снять квартиру у нас, арестованы! За пособничество нарушителям границы!

Мне оставалось лишь искренне пожалеть арестованных парней. По моему скромному мнению, не заслужили они такой суровой кары. Не террористы же все-таки...

– А вообще у вас как с преступностью? – спросила Лена у соседки. – По улицам не страшно ходить?

– Ну что вы! У нас в Минске вообще очень спокойно, да и в других городах тоже. В этом смысле в Белоруссии очень безопасно.

Вот так за разговорами мы даже не заметили, как за окнами стало темнеть.

По вагону забегал наш забавный проводник по имени Алекса и стал закрывать шторы на окнах в коридоре.

Начал он эту процедуру ровно в половине одиннадцатого (может быть, у него инструкция была такая, не знаю) и очень смешно сердился, морща нос-кнопочку, когда пассажиры без разрешения эти шторы открывали. И кидался опять закрывать.

Мальчик Алекса вообще был замечательный малый. То, что нашего проводника так звали, мы узнали, прочитав на его бейджике: «Беларуская чыгунка, проводник Алекса». Сразу подумалось, что это его имя сродни нашему Алексею. И мы всю дорогу называли его Алешей и Алешенькой. Уже после я узнал, что ни с каким таким нашим Алексеем это имя не в родстве. Просто Алекса.

Так вот этот Алекса иногда напоминал нам призрака. Вот сейчас его нет и вдруг откуда-то материализовался и стоит у купе, улыбается. Иногда он просто удивлял меня своей непредска-

зуюмостью. Когда я первый раз за поездку покупал у него чай, то чуть сам не закипел. Подхожу, спрашиваю:

– Два стакана чая можно?

Алекса спокойно смотрит на меня и ничего не отвечает. Потом медленно кивает:

– Можно...

И опять продолжительное молчание. Я начинаю беспокоиться, не забыл ли он о моей просьбе.

– И?

– Какого?

– Что какого?

– Чая вам какого?

– А у тебя всякий есть?

– Да. С сахаром и без.

– Отлично! Нам с сахаром.

Алекса опять впадает в ступор. Приходится повторить громче:

– Два чая с сахаром.

– Это понятно, – отвечает хозяин вагона. – А какого чая?

«Господи, дай мне терпения», – думаю я про себя и повторяю чуть громче чем следует:

– Два стакана с сахаром!

– Это понятно, – еще раз говорит Алекса. – Черного или зеленого?

– Черного!!!

– С лимоном?

– Да!!!

Он медленно поворачивается лицом к своему служебному купе, что-то там перекладывает в шкафчике. Затем оборачивается и спокойно общается.

– С лимоном нельзя.

– Почему?!

– Лимона нет...

– Ладно. Тогда без лимона. Но как-то побыстрее можно?

Алекса удивленно смотрит на меня:

– А куда вы торопитесь? Вы же до Минска едете?

И начинает не спеша наполнять стаканы кипятком...

В Новгороде, где мы стояли ночью довольно долго, – там можно было успеть и перекусить в привокзальном бистро, и прогуляться по близлежащей площади с бюстом Александра Невского посередине – Алекса, выпустив нас из вагона, вообще испарился. Просто закрыл вагон и исчез! Закрыт был и соседний вагон. Поэтому на свои места нам с Леной пришлось пробираться как-то очень долго. Алексу мы до утра больше так и не увидели...

На следующее утро я проснулся как раз в тот момент, когда наш поезд покидал последнюю

российскую станцию. За окном противно моросило, и в этом мелком дожде мы и проскочили спрятавшись где-то в полях российско-белорусскую границу.

Во время остановки на первом белорусском полустанке я перевел свой хронометр на час назад. Беларусь живет по европейскому времени...

Лена и наши соседи по купе встали тогда, когда мы уже катили по предместьям Витебска. Дождик кончился, и мы все вместе с удовольствием прогулялись по чистенькому перрону. Времени до Орши хватало, чтобы позавтракать и выпить выпрошенный у неторопливого Алексы чай.

И вот на вокзале в Орше я увидел белорусского попрошайку.

– Странно, – задумчиво сказала при виде его Марина. – Обычно таких у нас милиция гоняет...

К нам подошел одетый в рваные грязные джинсы и растянутый свитер паренек и жалобно запросил денег на еду.

– Да нет у нас ваших денег, – опрометчиво вступил я с ним в диалог.

– Ну, тогда дайте ваших, – тут жеотреагировал тот. – Или американских. У вас есть американские деньги? Есть?

Не успел я открыть рот, чтобы достойно ответить назойливому просителю, как парень исчез, как будто его и не было. Причиной этому был милицейский наряд – два сержанта, поигрывающих дубинками, – который появился невдалеке.

Сержанты равнодушно прошли мимо живописной парочки бомжей, что сосредоточенно рылись на платформе в урне, выискивая окурки, и исчезли в толпе...

В Минск мы прибывали с двадцатиминутным опозданием. Столица Беларуси встречала нас солнышком и теплом. И Эдик радостно замахал руками, увидев меня в вагонном окне.

Мы обнялись с моим старым другом, и он повел нас по каким-то лестницам и переходам на улицу, где стояла его машина. Мест для парковки в центре Минска, оказывается, совсем немного, поэтому он ставил свое авто довольно далеко от современного огромного, из стекла и бетона, здания с надписью наверху: «Чыгуначны вакзал».

Вот именно так и началась основная часть нашего белорусского круиза...

МИНСК: ДЕФИЦИТ ЧУГУННЫХ СКОВОРОДОК, ПОВОЗКА БЕЗ ГУБЕРНАТОРА И ДОБРЫЕ ЛЮДИ ВОКРУГ

С помощью Эдика мы – где-то за месяц до нашего приезда в Беларусь – сняли в центре Минска однокомнатную квартиру. Не знаю даже, почему у нас возникло такое желание – жить не в гостинице, а именно на квартире – даже объяснить не могу. Но об этом решении не пожалели.

Временное наше жилище располагалось в самом центре белорусской столицы: на углу проспекта Независимости и улицы Богдана Хмельницкого. Прямо через дорогу – главное здание Академии наук Белоруссии, а рядом с домом – развлекательный комплекс «Октябрь». И совсем недалеко – огромный красивый парк Челюскинцев, один из самых больших в Минске. Вообще, здесь разбито 26 парков, 159 скверов и 26 бульваров. Неплохо для города с населением чуть меньше двух миллионов человек, а?

Кстати, о населении. Александр Лукашенко не хочет, чтобы численность жителей белорусской столицы превышала два миллиона. Недавно он заявил: «Минск не должен быть перенаселен, не надо сюда свозить полреспублики!» А если Батяка сказал, значит, так тому и быть!

Итак, на Эдькиной машине мы мчимся по огромному и красивому проспекту Независимости.

Не знаю, есть ли в каком-нибудь городе в какой-нибудь стране еще улица, которая за время своего существования сменила столько названий. Изначально, в середине XVI века, это был просто участок Московско-Венского тракта.

Затем первый губернатор Минска и Минской губернии Захарий Корнеев превратил этот участок в полноценную улицу, и ее назвали в честь него – Захарьевской. Это произошло в 1801 году.

А потом пошло-поехало!

Когда наполеоновские войска вступили в Минск 1 июля 1812 года, они ее тут же переименовали в Новый город. Вот Новый город, и все!

Но недолго она так называлась. Уже 22 ноября этого же года она снова стала Захарьевской, это когда наши выгнали оттуда французов. И была она Захарьевской до 1918 года, до первой оккупации Минска немцами. Немцы, понятное дело, не могли не внести свой вклад в топонимику города и назвали бедную улицу Гауптштрассе.

Ладно, немцев выгнали в январе 1919 года красноармейцы и назвали Гауптштрассе улицей Советской. Ну, это понятно.

Но тут же Красную армию из Минска вышибают поляки, и Советская улица становится улицей Адама Мицкевича, в честь знаменитого поэта. Но как-то совсем недолго носил этот несчастливый тракт имя великого поляка. Вернулись красные, и улица снова стала Советской.

В Великую Отечественную войну, во время второй немецкой оккупации, улица носила название, как бы вы думали какое? Правильно, опять Гауптштрассе. Придумать что-то другое у немцев фантазии не хватило. Но зато фантазия разыгралась у их белорусских приспешников, и они упростили фашистов переименовать Гауптштрассе в улицу «25 марта» в память о провозглашении белорусской независимости 25 марта 1918 года. Гитлеровцы согласились.

Но вот оккупантов в 1944 году погнали на запад, пришла Советская армия, и улица стала... Ура, вы угадали – Советской!

На самом деле, во время Великой Отечественной войны улица была страшно разрушена в ходе жестоких боев. Когда в Минск вошли советские войска, то на ней оставалось целыми всего 10 домов. Поэтому было принято решение о ее коренной реконструкции. И вот был спроектирован замечательный, широкий, очень красивый проспект, который в 1952 году получил имя Сталина. И носил его целых десять лет. В 1962 году проспект Сталина был переименован (ну понятно почему) в Ленинский проспект.

Потом был распад Советского Союза, победа, извините за это слово, демократии. И Ленинский проспект стал проспектом Франциска Скорины. И вот носить бы и носить проспекту имя замечательного белорусского просветителя, первоученика и патриота, но в 2005 году президент Всея Беларуси Александр Григорьевич Лукашенко решает, что мало в Минске иметь площадь Независимости («Незалежнасці», по-белорусски) – а она уже была – так надо еще чтобы и проспект этой самой Незалежнасці был. Сказано – сделано. Переименовали. И вот теперь там есть и площадь Незалежнасці (бывшая Ленина, кстати), и проспект Незалежнасці.

Абсолютно все минчане, с кем нам довелось поговорить за время пребывания в этом чудесном городе, недоумевают – от кого или от чего они такие независимые-то? Но это так, к слову...

Ну, вот и приехали мы к дому, в котором нам предстоит обитать три дня. Житие в однокомнатной квартире в центре столицы Беларуси стоило нам сорок долларов в сутки.

Это была вполне уютная квартирка, с большой двухспальной кроватью и всем тем, что необходи-

мо для отдыха утомившихся красотами Минска туристов. Правда, мы с Леной так и не смогли понять, как включается огромный телевизор в комнате, как-то хитро он был закодирован. Но зачем нам телевизор, когда в этот уют мы возвращались только ночью, а с утра вновь кидались на порошение города.

Итак, в этой квартирке мы быстро отмылись от дорожной пыли, почистили перышки, переоделись и пошли на встречу с Эдиком и его женой в ресторан «Васильки», что находился совсем недалеко от нашего дома рядом с площадью Якуба Коласа.

Вообще, «Васильки» – это не одно заведение, это несколько небольших ресторанчиков белорусской кухни, раскиданных по всему Минску. Я сам предложил ребятам встретиться там, поскольку просто мечтал попробовать местную еду.

И вот мы уже сидим на открытой веранде – вечер просто великолепный, очень теплый – и листаем меню.

Если будете когда-нибудь в Белоруссии, то не откажите себе в удовольствии и закажите что-нибудь белорусское на сковородке. Например, сковородку с колбасками и шкварками, или сковородку с грибами и шкварками, или сковородку с котлетками... М-м-м-м... Это просто объедение. А аромат какой! И все это с жаренной до золотистой корочки картошечкой!

Вот соблазвившись на этот аромат и по совету наших друзей мы заказали себе по такой замечательной сковородке. Кроме этого, мне очень захотелось попробовать салатик с копчеными свиными ушами и выпить настоящей белорусской настойки. После недолгих колебаний я выбрал настойку на коре дуба с травами.

Вот так, под белорусскую настоечку и копченые свиные уши, у нас пошла неспешная застольная беседа. Женщины говорили о чем-то своем, а мы с Эдиком вспоминали чудные дни, проведенные на «Славянском базаре», и только что закончившуюся Олимпиаду в Лондоне. Мой друг был возмущен дисквалификацией белорусской легкоатлетки и доказывал, что все это политика. Я с ним был абсолютно согласен.

Конечно же, поговорили и о «Pussy Riot». И тут мы с Эдиком были абсолютно солидарны в том, что не надо было этих девок в тюрьму сажать. Просто тысячи верующих (если есть такое количество обиженных их выходкой в храме Христа Спасителя) должны были вчинить «музыкантам» гражданские иски о денежной компенсации за моральный ущерб. И пусть бы платили всю жизнь...

Вот, собственно, как-то так мы с ним перешли к неизбежному мужскому разговору о политике.

Говорили мы довольно громко и не всегда лицемерно о Лукашенко, но никто от нас не шаркался, никто внимательно не приглядывался к нам и не вызывал сотрудников КГБ.

– Я думаю, что Лукашенко уже пора уходить, – разъярял мне Эдик свою позицию. – Он очень опытный политик, и все его уважают за то, что он сделал для Белоруссии. Он сумел удержать страну, он развивал ее, он умело лавировал между Россией и Западом...

– И лавирует до сих пор, между прочим, – вставил я.

– И лавирует до сих пор, – согласился Эдька. – Но сейчас уже настают другие времена, надо не просто сидеть на российских энергоносителях... Кстати, вот вы, россияне, приезжаете к нам и удивляетесь нашей чистоте, нашим дорогам, нашему развитому сельскому хозяйству, нашим социальным программам. Но это же, по сути, ваши деньги.

Всяческие мутные схемки с ценами на российские углеводороды дают Лукашенко возможность поддерживать Беларусь в состоянии эдакой «Потемкинской деревни». Отсюда и субсидирование ЖКХ и сельского хозяйства, и ледовые дворцы, и пузырь льготного жилищного строительства, который благополучно лопнул.

– Ну и молодец Лукашенко, – возражал я. – Молодец, что вкладывает эти деньги и в ЖКХ, и в дворцы ледовые, и в дороги. Наши бы добры молодцы-чиновники на его месте эту разницу просто бы разворовали. И, поверь мне, если бы тут сидели наши упыри, то не было бы у вас ни дорог, ни ЖКХ, ни строительства, ни-че-го!

– Но так же долго не протянешь, – горячился мой приятель. – Надо что-то делать для того, чтобы не зависеть от поставок российских энергоносителей. А он в этом плане ничего не делает!

Сказав это, Эдик расхохотался.

Поймав мой удивленный взгляд, пояснил:

– Вот подумал, что такой разговор, что мы с тобой ведем сейчас, может состояться только между людьми, живущими на осколках Советского Союза. Только мы, живущие в бывших советских республиках, вот так, за рюмкой, хвастаемся друг перед другом, у кого жизнь хуже. Ты говоришь, что у вас коррупция, а я в ответ – а у нас гнобят оппозицию. А ты – зато у вас дороги хорошие, а я – а у нас Интернет ограничивают. А ты – зато у вас сельское хозяйство развивается, а у нас – развалено. А я... и так до бесконечности!

Теперь расхохотался я. Ведь точно подметил!

Трудно даже представить, что какие-нибудь немец с французом вот так вот сидели и мерились своими проблемами!

Пока мы вели эти забавные политические дискуссии, прошло уже довольно много времени, а заказанные нами сковородки с вкусной белорусской едой так и не появлялись. Позвали официанта, молодого паренька, что принимал у нас заказ, и строго спросили с него за задержку. Парень покраснел до кончиков ушей.

– Извините, я сейчас узнаю, в чем там дело, – пробормотал он и убежал.

Появившись через несколько минут, официант доложил нам, что проблема в том, что на кухне кончились... чугунные сковородки.

– Что? – не поверил я своим ушам.

– Что? – повторил за мной Эдик.

– На кухне закончились сковородки, – дрожа как осиновый лист, повторил паренек. – Но я сейчас что-нибудь придумаю, честное слово!

И он опять убежал. Эдик развел руками.

– Ну, вот так у нас тоже бывает. Сковородок, понимаешь ли, у них не хватает...

Официант вернулся очень скоро, радостно улыбаясь и вытирая мокрые руки о фартук.

– Нашлись сковородки, – радостно сообщил он нам. Их уже помыли, сейчас вам все сделают.

У нас создалось впечатление, что эту кухонную утварь он лично для нас вымыл. Добрый человек!

Откушав наконец-то вкусностей со сковородки (кстати, ужин в «Васильках» нам обошелся всего-то рублей триста российских на человека, включая настойки и пиво для дам), мы отправляемся на экскурсию по ночному Минску.

Ох, и красив этот город в ночи, ох, и красив!

Изумительная подсветка зданий, яркие витрины, улыбающиеся люди на улицах и в открытых кафе.

В центре Минска на каждом шагу зазывно вспыхивают, мерцают, меняют цвет яркие вывески казино. Игровая индустрия в Белоруссии процветает, и российские игроманы просто ломаются в эти заведения круглый год, пополняя карманы хозяев зланных мест и казну государства. Вы не поверите, но в Беларуси есть государственная программа по развитию казино, одобренная Александром Лукашенко!

Сейчас в стране развлекательных клубов с казино и игровыми автоматами имеется свыше тысячи. Большинство из них находится, конечно же, в Минске. Но есть казино в Бресте, в Гомеле, в Гродно, в Могилеве. Азартно играют и в Витебске, Полоцке, Новополоцке, Бобруйске, Слониме, Барановичах и Мозыре.

Минская молодежь одета стильно и просто, много парней и девушек на роликах.

Чуть позже, когда мы с Леной доберемся до нашего дома и будем гулять у развлекательного

центра «Октябрь», то увидим эту белорусскую молодежь во всей красе. Стайки парней и девчонок, сидя на скамейках, поребриках тротуаров, парапетах, хохочут, пьют что-то, едят мороженое. И при этом нет пьяных, совсем не чувствуется агрессии, какую мы привыкли видеть у наших российских подростков. Опустошенную тару ребята аккуратно складывают в большие урны. Чистота. И ведь не ходят рядом люди в погонах и с наручниками, нет дружинников, строго следящих за порядком. Как так? И почему у нас не так?

Один мой друг, петрозаводский журналист, просил меня выяснить, как в Минске обстоит дело с проституцией. Ну, просил выяснить из профессионального, конечно же, интереса. Так вот, докладываю, дружище. В Минске с проституцией дела обстоят хорошо. Она есть.

На сайте газеты «Салідарнасць» я нашел заметку о том, сейчас на учете в минской милиции стоят 400 (на самом-то деле, думаю, их гораздо больше) уличных проституток. Периодически их задерживают и выписывают им штраф. Заплатив штраф, девушки возвращаются на места своей постоянной работы. Больше наказать их никак не могут, поскольку «наказание в виде административного ареста к ним не применяется из-за ряда процессуальных ограничений».

Более того, белорусская милиция трогательно заботится, чтобы этих тружениц никто не «крышевал»: «В августе текущего (2012) года в районе станции метро «Каменная горка» объявился некий молодой человек, который, представляясь сотрудником правоохранительных органов, предлагал местным жрицам любви платное покровительство. Вскоре он был задержан. Выяснилось, что отношение 32-летнего минчанина к правоохранительной системе было лишь бравадой. Уголовное дело в отношении него находится в настоящее время в производстве».

Вместе с тем в текущем году было задержано пятеро минчан, которые предлагали услуги проституток иностранным гражданам, останавливающимся в гостиницах либо посещавшим ночные клубы».

А еще минские стражи правопорядка знают о своих веселых девчатах-подопечных буквально все: «Возраст более 50% уличных проституток – от 30 до 35 лет, второй возрастной промежуток (около 30%) – от 20 до 30 лет. Более половины из этой категории – иногородние, проживающие на съемных квартирах либо приезжающие в столицу непосредственно для занятия проституцией. 65% имеют на иждивении несовершеннолетних детей, 78% – не замужем либо разведены. Из об-

щего количества 83% имеют среднее или среднеспециальное образование. Уличные проститутки свои услуги оценивают в среднем в 40-70 долларов США за один час (низший предел – 10 долларов, верхний – 90 долларов)».

Надеюсь, я удовлетворил любопытство своего друга...

Когда мы с Эдиком проезжали мимо здания КГБ, я внимательно рассматривал огромный желтый, построенный в сталинском стиле дом и обратил внимание, что на крыше одного крыла этого дома возвышается небольшая застекленная башенка, а на противоположном крыле такой башенки нет, что странно, нелогично.

Потом узнал, что эту башенку архитектору специально приказал спроектировать главный белорусский чекист, личный друг и почти земляк Лаврентия Берия Лаврентий Цанава.

Лаврентий Фомич очень любил футбол, а из этой башенки было отлично видно, как тренируются футболисты минского «Динамо» на своем стадионе. Там Цанава и оборудовал свой личный кабинет.

Генерал-лейтенант Цанава вошел в историю не только тем, что руководил репрессиями в Белоруссии и по его вине погибли тысячи ни в чем не повинных людей, но и тем, что именно на его даче, на окраине Минска, был убит Соломон Михоэлс, гениальный советский еврейский актер и режиссер.

А сам Цанава умер в Москве, в Бутырской тюрьме в 1955 году, лишенный всех наград и званий. Впрочем, говорят, что он не сам погиб, а покончил жизнь самоубийством.

Такая вот история с башенкой...

В последний день пребывания в Минске мы с Леной сидели в одном из ресторанчиков «Васильки», который находится как раз напротив здания КГБ, и наблюдали интересную картинку. Мимо центрального входа шла стайка иностранных туристов под предводительством гида. Один из туристов – пожилой дядечка – покинул строй и принялся щелкать на фотоаппарат массивные двери с огромной эмблемой «Щит и меч». Тут же из дверей появился крепкий в камуфляже, за ним – еще один.

Они настигли принявшегося уже было догонять свою группу туриста и остановили его. Один из крепышей позвал гида – женщину. Гид подошла (это была, видимо, местный экскурсовод) и, опустив голову, выслушала какие-то неприятные слова из уст охранников. Потом они забрали у дядечки фотоаппарат, посмотрели, что он там снимал, и только после этого отпустили парочку. Пожилой иностранец шел и недоуменно качал головой.

Белорусская спецслужба хранит свои секреты...

Пока мы с Эдиком катались по ночному Минску, в машине у нас пел какой-то белорусский певец. Приятные мелодии, красивый язык, отличные аранжировки. И вот под эти белорусские напевы я обратил внимание, что почти вся уличная реклама, все вывески (а позже я заметил, что и объявления и даже большая часть сюжетов в новостях белорусского телевидения) на русском, а не на белорусском языке. Сказал об этом Эдику. Оказалось, что это его боль.

– Белорусский язык исчезает, Саня.

– Как? – удивился я. – У вас же такая культура, такие традиции. Все же это поддерживалось когда-то...

– Вот именно поддерживалось... Сейчас этого нет. Есть фольклорные какие-то вещи, но в обиходе белорусский язык замещается русским. И это беда. Что уж говорить, если наш президент свои речи по-русски чешет...

Это я заметил, кстати. Все время нашего путешествия по Беларуси внимательно смотрел белорусское телевидение и никогда не слышал, чтобы Лукашенко говорил на белорусском языке.

Когда подъехали к нашему с Леной дому, было уже глубоко за полночь. Мы с ней просто валились с ног.

Но заснуть удалось не сразу. Час, если не больше, сидели мы с ней на кухне и вслух переваривали новые впечатления, которых было в тот день невероятно много...

Я попросил Эдика, чтобы он договорился с каким-нибудь хорошим индивидуальным гидом, который мог бы поводить нас по историческим местам Минска. Он дал мне телефон некой Галины, которая, по его словам, «просто замечательно рассказывает о городе».

Мы звоним Галине, и она тут же соглашается провести для нас экскурсию. Чувствуется, что она стоит где-то на улице, поэтому слышно не очень хорошо.

– Давайте встретимся в час дня у городской ратуши, – сказала она. – Там есть такая лошадь с полоской...

– Лошадь с полоской? – удивленно переспросил я.

– Ну да, лошадь с полоской. Скульптура, вы ее сразу найдете. Значит, объясняю, как доехать. Вы ведь живете у Академии наук, да?

– Да, прямо у академии, точно.

– Отлично. Тогда садитесь на метро, станция так

и называется «Академия наук», и без пересадок едете до станции «Октябрьская». У нас в метро все легко, разберетесь. Выходите на проспекте Независимости, поворачиваете направо и идете прямо. Увидите ратушу, найдете лошадь, и там мы с вами встретимся...

После разговора с Галиной я первым делом позвонил Эдику с просьбой объяснить, что это за лошадь с полоской стоит у ратуши. Эдик озадаченно помывчал, потом переспросил:

– Лошадь с полоской, говоришь?

– Ага. Может быть, там какая-нибудь зебра стоит, а?

– Да нет у нас никакой зебры...

Тут моя фантазия разыгралась.

– Или, может, у вас скульптура лошади-клоуна или лошади-узника имеется.

– Нет у нас лошади-клоуна и лошади-узника нету, – разозлился Эдка. – Ладно, если потеряетесь, мне позвоните.

– Договорились...

Войдя на станцию метро «Академия наук», мы сразу стали искать указатель, как нам доехать до станции «Октябрьская». Ходили-ходили, но ничего похожего не нашли. Пришлось обратиться к стоящей рядом с нами женщине.

– Извините, а как нам доехать до станции «Октябрьская»?

– А вот прямо на этой платформе садитесь, и третья остановка отсюда и будет «Октябрьская».

Вот тут сделаю еще одно отступление от моего рассказа о Минске. Потому что о доброте минчан, да что там минчан – всех белорусов – надо сказать особо. За время вояжа по Беларуси нам не раз приходилось попадать в затруднительные ситуации, о них я еще, может быть, расскажу. И всегда выручали нас оказавшиеся рядом с нами люди. Помогут, подскажут, объяснят и даже доведут и довезут, куда попросим, если надо. Такого желанья искренне помочь незнакомому человеку я в России давно не встречал. У нас это редкость, в Беларуси – норма...

Итак, женщина нам сказала:

– А вот прямо на этой платформе садитесь, и третья остановка отсюда и будет «Октябрьская».

Лена молча кивнула на стену с указателями станций. Я еще раз туда посмотрел и опять обратился к женщине.

– А почему на указателе ее нет?

Это страшно удивило нашу собеседницу.

– Как нет? Да вот же она. Смотрите, написано:

«Кастры́чніцкая», – она рассмеялась. – Ребята, по-белорусски «октябрь» – «кастры́чнік».

Мы за первый день так привыкли к тому, что все в Минске написано по-русски, что белорусские названия станций метро чуть не стали для нас непреодолимым препятствием на пути к ратуше.

Благополучно добрались до «Кастры́чніцкой» и, следуя указаниям Галины, пошли к месту встречи с ней.

Кстати, права была наша попутчица Марина: на станциях Минского метро действительно нет скамеек...

Ратушу я узнал сразу, много раз видел ее фотографии в Интернете. Это своеобразный бренд Минска. Вообще-то, здание, что сейчас называют Минской городской ратушей, никогда ратушей и не было.

Построено оно было в 2003 году по старым чертежам ратуши настоящей, которая стояла здесь с давних времен. Правда, современные строители не очень-то придерживались архитектурной правды и создали совершенно новое здание, украшенное гербом города и 32-метровой башней с флюгером. На башне – куранты, которые каждый час отбивают мелодию припева «Песни о Минске».

Самое интересное, что эта современная ратуша сейчас просто пустует. Иногда там принимают почетных гостей Минска, но это бывает крайне редко. А так просто стоит себе этот симпатичный домик и радуется глаз.

Но то, что этот домик построен именно здесь, исторически обосновано. Ведь первая минская городская ратуша появилась именно на этом месте еще в 1600 году.

В ней заседал городской магистрат, хранились эталоны единиц веса и объема, которые использовались для уличения в мошенничестве нечистых на руку купцов.

Потом в старом здании в девятнадцатом веке открыли музыкальную школу, потом – театр. А потом его вообще разрушили.

А при Лукашенко решили восстановить. Восстановить восстановили, а применения не нашли. Так бывает...

Ратуша стоит сейчас на площади Свободы. В 16-м веке это место называлось Высокий Рынок и было что ни на есть самым центром Минска.

– Так, ладно, – сказал я Лене. – Ратушу мы нашли, теперь давай искать лошадь с полоской.

Подойдя ближе к зданию, увидел лошадь.

– Ленка, – почти всхлипнул я от смеха. – Ну и дурак же я!

– А что такое, – заинтересовалась она. – А теперь почему дурак?

– Не расслышал Галину. Она говорила не «лошадь с полоской», а «лошадь с ПОВОЗКОЙ»!

У ратуши действительно стояла замечательная скульптура: красивая лошадка, запряженная в одноместную повозку. Правда, совершенно замечательная скульптура!

Как уверены минчане, именно в такой повозке и раскатывал по городу первый губернатор Минска и Минской губернии Захарий Корнеев. Ну, помните, тот самый, при ком появилась улица, из которой и вырос нынешний проспект Независимости.

Вообще, как говорили о нем современники, Захарий Яковлевич был человек выдающийся и много чего добившийся в своей жизни. И для развития Минска, где Корнеев губернаторствовал десять лет – с 1796 по 1806 год – он сделал немало.

Но вот судьба-злодейка как интересно распорядилась: памятник губернаторской повозке есть, а губернатору нет.

Пока мы ждали Галину, осмотрели находящийся напротив ратуши старинный Минский Гостиный двор.

Это одно из немногочисленных старинных зданий в Минске, которое не подверглось тотальной реконструкции в более поздние времена, особенно в последние годы.

Эдик говорил мне, что старинные здания на бывшем Высоком Рынке, что сохранились до нынешних времен, не реставрируются сейчас, а превращаются в «новоделы».

– То есть просто тупо сносят всё внутри, все перекрытия, весь исторический интерьер, губят все первоначальные детали строения, а потом начинают старые стены новой начинкой, – возмущался мой друг. – Если это реставрация, Саня, то я – Папа Римский! Вот как после этого говорить о сохранении белорусского языка и белорусской идентичности, о сохранении истории Беларуси?!

Ну, собственно, мы сейчас о Минском Гостином дворе. Построено это зда-

ние в XVI веке. Стены с тех времен, слава богу, сохранились.

Сюда в средневековый Минск съезжались иностранные купцы, которым предоставлялся весь комплекс услуг: хранение товара, возможность его продать, оформить сделку и, наконец, получить ночлег усталым древним коммивояжерам.

Гостиный двор менялся и расширялся. Был сначала деревянным, потом стал каменным. Сначала имел С-образную форму, потом, в результате реконструкции, стал квадратным. А уж в XIX веке к нему пристроили торговую галерею. И тогда Гостиный двор стал универсальным комплексом по приему, регистрации и реализации товаров иностранных купцов.

Пока мы сидели в кафе в этом историческом здании, заметили, что прямо над нами развеивается флаг Грузии. Оказалось (прочитали табличку на ближайшей к кафе двери), что в этих старинных интерьерах размещается посольство Грузии в Республике Беларусь.

Хитрый Батяка не стал разрывать дипломатические отношения с Грузией в знак поддержки России в войне «08.08.08». Более того, он похерил процесс признания возникших в результате этой войны новых независимых государств: Абхазии и Южной Осетии.

Россия все это проглотила и не стала высказывать свое «фи» белорусскому лидеру.

А одним из последствий такого решения Лукашенко стало постоянное присутствие

*Памятник
губернаторской повозке*

на полках белорусских винных магазинов настоящих грузинских вин – «Саперави», «Цинандали» и других...

Но здание Гостиного двора действительно красиво и по праву считается одной из архитектурных жемчужин столицы Беларуси.

Перекусив в кафе в Гостином дворе, мы возвращаемся к лошади с повозкой.

– Здравствуйте! Вы – Александр и Елена. Я угадала?

Рядом с нами материализуется симпатичная молодая женщина. Улыбается и смотрит на нас.

– Я Галина.

После обязательного и надоевшего уже нам вопроса «А что вы у нас забыли?» Галина переходит к делу:

– Вы правда интересуетесь историей Минска или это вам надо так просто, «для галочки»? Типа, «мы здесь были»?

Я удивленно пожимаю плечами.

– Нам действительно очень интересно. История Минска – это же, на самом деле, классная тема! А тем более в изложении такого человека, как вы, – льщу я Галине.

Она смущенно улыбается и отказывается от протянутых ей шестидесяти долларов – такова плата за индивидуальную экскурсию в Минске.

– Заплатите потом, если вам понравится...

Мы пошли с Галиной на смотровую площадку у главного храма Русской Православной церкви в Беларуси – Кафедрального храма Сошествия Святого Духа. Если кто привык к традиционному облику православных храмов на Руси, то вид этой церкви вас немного удивит. Храм очень похож на католический собор. Собственно это и был католический собор с XVII века, когда был построен. Это была церковь католического монастыря бернардинок.

Потом божьи невесты-католички в середине девятнадцатого века были переведены в другой город, а их главная церковь стала православным храмом. И как его не перестраивали после, что-то иноземное в облике этого здания осталось.

В советское время храм, как водится, закрыли, и вновь он принял верующих лишь в 1990 году. Теперь это православный Кафедральный собор Минска и в нем хранятся мощи святой благоверной Софии Слуцкой и внучки ее, Анастасии.

Мы стоим с Галиной на смотровой площадке у Свято-Духова собора и смотрим на раскинувшийся под нами проспект Победителей – вторую по значимости и красоте (этот проспект более современ-

ный, чем проспект Независимости) транспортную артерию Минска.

Когда-то давно, еще будучи студентом, я был в Минске и помню, что он назывался проспектом Машерова.

Вот вам история, как потомок солдата Наполеона стал главным белорусским коммунистом.

Петр Миронович Машеров – личность в Белоруссии легендарная. Один из самых знаменитых белорусских партизанских командиров, он получил в 1944 году звание Героя Советского Союза за свою борьбу с фашистами.

После войны работал в Белоруссии и в 1965 году стал ее полновластным руководителем – Первым секретарем Компартии Белоруссии. В 1966 году его избирают кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Из всех этих членов он был, вероятно, самым популярным. И зарабатывал эту популярность не речами, а делом.

Именно при нем Белорусская Союзная Советская Республика полностью избавилась от тяжелых военных ран и стала динамично развиваться. Возродились промышленность и сельское хозяйство, развивались наука, культура, транспорт. Часто он довольно жестко отстаивал интересы Белоруссии в Москве, чем вызывал недовольство в тогдашних властных союзных структурах.

Такое его поведение снискало ему любовь народа. И не только в Белоруссии, но и вообще в Советском Союзе.

И когда Машеров был на пике популярности, он вдруг 4 октября 1980 года погибает в нелепой и странной автокатастрофе на трассе Минск – Москва.

Говорят, что к его гибели приложил руку сам Леонид Ильич Брежнев, который не мог простить белорусскому партизану его популярности. Но подтверждений этой гипотезе, понятное дело, нет.

Вот что интересно. Машеров был не чистым белорусом. И фамилия его была не совсем Машеров, а Машеро.

Его прапрадедом был французский солдат по фамилии Машеро, который во время отступления Наполеона из России в 1812 году отстал от своей части, будучи раненым, да так и остался на территории Российской империи в Могилевской губернии (территория нынешней Беларуси).

Затем Машеро обосновался под Витебском, принял православие, женился на местной крестьянке. Детки у них пошли, и в конце концов в их семье и появился Петя Машеро (потом он был записан Машеровым) – будущий лидер Белоруссии.

Когда Машеров погиб, его именем и назвали тот проспект, на который Галина, Лена и я сейчас смотрим.

– А почему этот проспект переименовали? – спрашиваю я Галину. – Ведь Машеров и до сих пор у вас один из самых популярных людей.

Галина вздыхает.

– Трудно сказать. Однажды появилось некое письмо от каких-то ветеранов войны на имя Лукашенко, в котором они просили переименовать этот проспект в проспект Победителей. Президент эту просьбу удовлетворил...

– Но почему?!

Галина опять вздыхает.

– У меня одно объяснение. Переименование – это значит смена табличек, перерегистрация предприятий, находящихся там, людей, там живущих. А это всё огромные деньги в бюджет Минска. Возможно, как раз тогда городу не хватало денег, и вот придумали, как их получить. Других объяснений у меня нет. Тем более что недалеко от проспекта Независимости другую улицу переименовали в проспект Машерова. Там тоже нужна была перерегистрация и людей, и юридических лиц. Ну, ладно, может быть, все-таки к истории Минска перейдем?

Мы согласно кивнули.

– Ну, тогда начнем. – И она махнула рукой куда-то правее проспекта Победителей. – Вот видите этот кусочек земли? Именно здесь и возникли в девятом веке самые ранние поселения, которые и дали начало Минску...

Галина рассказала нам, что название города, возможно, произошло от реки Менка или Меня, которая и сейчас существует, но теперь это небольшой ручей, что впадает в речку Птич.

Жили здесь восточнославянские племена кривичи и дреговичи.

В десятом веке эта территория уже принадлежит Полоцкому княжеству. Впервые город «Мьнескъ» упоминается в 1067 году в «Повести временных лет» в связи с битвой между полоцким князем Всеславом Брячиславичем и сыновьями киевского князя Ярослава Мудрого. Видать, знатная была битва, если в результате нее город был до основания разрушен.

Но вот уже в двенадцатом веке появляется Минское княжество, которое сначала попадает под власть княжества Киевского. А потом опять отходит к княжеству Полоцкому. И еще долго киевские и полоцкие князья будут воевать за Минск.

В тринадцатом веке, когда Киевская Русь ослабла в результате набегов татаро-монголов, Минск добровольно входит в состав Великого княжества Литовского. Затем Минск и близлежащие земли отхо-

дят Польше, и город становится центром Минского воеводства.

В последующие века Минском правили поляки, русские, шведы...

И только в январе 1793 года Минск и вся центральная часть Белоруссии были окончательно присоединены к Российской империи, в составе которой и находились до Октябрьской революции.

В 1871 году в Минске появляется железная дорога, в 1872 году – в городе появляется городской водопровод, в 1890-м – телефон, в 1894-м – первая электростанция. В 1900 году в Минске насчитывалось 58 фабрик и заводов. Интересный факт: по переписи 1897 года в Минске насчитывалось 91 494 жителя, 47 561 из них – евреи.

Потом независимость – в 1918 году – и опять в состав СССР.

После распада Союза опять независимость, и Минск становится столицей Республики Беларусь...

Вот, если совсем коротко, и вся история этого замечательного города.

Галина ведет нас к Троицкому предместью – историческому району Минска на берегу реки Свислочь, где восстановлены старые дома. Так это всё красиво сделано, что действительно ощущаешь дух старого города. Тем более, что многие из этих домов имеют фундаменты семнадцатого века!

Этот район еще называется «Старое место», и не зря – люди жили здесь аж с конца двенадцатого века.

По пути заходим на Остров Слез. Это небольшой островок, на котором выстроена часовня в память о белорусах, павших в Афганской войне. Их имена – на стенах часовни. А рядом с ней скульптура плачущего ангела. Ангелочек стоит совершенно голый, и из глаз его льются слезы.

Уж не знаю, почему так получилось в Минске, но там возникла такая традиция: молодожены приезжают на этот Остров Слез и невесты усердно трут некий орган этого ангела, для того чтобы в семье скорее появился малыш. От этого орган железного мальчишки на солнце просто горит...

Галина показала нам и Дворец республики – величественное и мрачное здание, которое много лет строилось и было достроено уже при президентстве Александра Лукашенко.

– Минчане называют это архитектурное убожество «саркофагом» или даже «чернобыльским саркофагом», – говорит Галина. – Не любят у нас это здание. Очень не любят. А вот смотрите, перед центральным входом гранитный треугольник.

Видите? На нем написано «Пачатак дарог Беларусі». Это наш нулевой километр. Ну, как у вас у Красной площади есть нулевой километр дорог России. Раньше наш нулевой километр находился в другом месте, но президент захотел, чтобы все дороги начинались от «саркофага». И теперь они начинаются именно здесь!

Воистину велик человек, могущий своей волей перемещать нулевой километр!

Конечно же, во время нашей прогулки с Галиной по Минску мы полюбовались и замечательно красивым академическим театром оперы и балета, к зданию которого постоянно подъезжали свадебные лимузины – молодожены устраивают у театра и рядом с ним фотосессии.

Видели и самую старую в Минске аптеку, и старинное шикарное здание, в котором сейчас располагается Минское суворовское училище, памятники, скульптуры, набережные...

Не рассказать всего, надо самим побродить по Минску, чтобы ощутить его прелесть.

– А теперь мы пойдем на Немигу, – сказала нам Галина. – Вы не устали?

Мы с Ленкой дружно помотали головами.

– Пойдемте, пойдемте!

Вообще-то, Немига – это река, которая когда-то текла свободно по древнему Минску, а сейчас она течет в специальных бетонных трубах под землей. Именно на берегах Немиги и произошла в 1067 году знаменитая битва, в ходе которой Минск был разрушен.

Нынче Немига – это городской район с очень интересной историей. И не всегда эта история была веселой. От старой, довоенной Немиги сейчас почти ничего не осталось. Почти все старые дома были разрушены во время боев за Минск, а те, что остались, – во время послевоенного восстановления города. Сейчас на Немиге можно увидеть здания, похожие на те, что стояли здесь когда-то. Но это – новоделы.

Именно в районе Немиги 20 июля 1941 года (через три недели после захвата города) гитлеровцы создали страшное Минское гетто, одно из самых крупных еврейских гетто в Европе. Через Минское гетто прошло более 100 000 евреев – взрослых, стариков, детей. Из ста тысяч, прошедших через этот ад, как говорят историки, выжило лишь три процента заключенных.

Узников уничтожали тысячами. В августе 1941 года было убито пять тысяч человек, за один только день 7 ноября 1941-го – десять тысяч, 20 ноября этого же года – пятнадцать тысяч, 21 января

1942-го – двенадцать тысяч. И так до конца существования гетто – до 21 октября 1943 года. В этот день были убиты последние узники.

Уничтожение шло спокойно, методично, в плановом порядке. А иногда и во внеплановом. «В детском отделении (*гетто*. – **Авт.**) было семеро детей. Рибе, начальник полиции, надел белые перчатки и зарезал всех детей ножом. Вышел оттуда, скинул белые перчатки, закурил и съел шоколадку...»

Убийством евреев занимались не только немцы-эсэсовцы, но и полиция – белорусы и литовцы.

Господи, не дай людям никогда это забыть, сделай так, чтобы такое не повторилось...

Сейчас на месте Минского гетто стоит огромный торговый комплекс «На Немиге». Рядом с этим комплексом – православная церковь Петра и Павла. Во время войны церковный двор и территория гетто были разделены колючей проволокой. Улучив момент, когда рядом не было охранников, еврейки подходили к заграждению и бросали через проволоку прихожанкам церкви своих маленьких детей, тем самым спасая им жизни...

– Ну вот и всё, – Галина чуть устало улыбнулась. – На этом наша экскурсия закончена.

Я посмотрел на часы и удивленно присвистнул. Оказывается, мы занимались историей Минска четыре часа! Как они пролетели, мы с Леной даже и не заметили. Галина получила свои честно заработанные шестьдесят долларов и довела нас до дверей ресторанчика с вывеской «Раковский бровар».

– Вот здесь вы можете посидеть, отдохнуть и выпить свежеваренного пива. Это ресторан-пивоварня. Удачи вам!

И она исчезла.

Когда мы сели за столик в ресторанном дворике, я вытянул ноги и тут же почувствовал, как они гудят от усталости.

Пиво в этом ресторане-пивоварне оказалось действительно великолепным. Мы выпили с Леной по большой кружке (вот вру же, я выпил две) и почувствовали, что силы к нам вернулись.

Посидев в «Раковском броваре», вновь пошли бродить по Минску, но уже самостоятельно. Заглянули в магазины, прошлись по проспекту Независимости, поужинали в одном из минских кабачков и опять уже в ночной темноте доползли до дома.

Но сразу пойти спать у нас не получилось. У развлекательного комплекса «Октябрь» узрели мы очень симпатичного бронзового почтальона, который стоял с толстой сумкой на ремне, с очками на носу и придерживал старенький велосипед. Вдоволь нафотографировались у этой скульптуры.

Причем пока мы снимали друг друга в обнимку с белорусским почтальоном, к нам подбежали гулявшие рядом девушки и тоже пожелали сняться рядом с нами, оставив, таким образом, нам на память свои симпатичные мордашки...

Последний наш день в Минске начался со сборов. Квартиру надо было освободить к двенадцати утра, поэтому было время не спеша проснуться, пойти позавтракать и собрать чемоданы.

Завтракали мы в Минске в небольшом кафе под названием «Эль помидоро». В этой кафешке мы по утрам трапезничали примерно за сто пятьдесят российских рублей на человека.

За эти деньги можно было поиметь чашку (а то и две) крепкого вкусного кофе со сливками. Причем сливки нам приносили в маленьком белом кувшинчике. И это были настоящие сливки. Таких сливок я давно не пробовал!

Кроме кофе, мы обычно брали по яичнице с колбасой и по какому-нибудь салатику. Все было сытно и замечательно!

Улыбчивый таксист помог погрузить в машину наш багаж, и мы снова поехали на минский чыгуначны вакзал. По дороге таксист расспрашивал нас о том, как нам показался его родной город. Я вполне искренне отвечал, что мы просто очень довольны, что побывали в Минске и впечатления от этого пребывания у нас самые радужные.

Парень довольно улыбался.

До поезда было еще три часа, поэтому, сдав чемоданы в камеру хранения, мы вновь пошли гулять по городу.

Когда гуляли по Минску все эти три дня, постоянно – то там, то тут – видели забавный плакат белорусского МЧС.

На плакате был изображен красный баллончик с веселой рожицей и с каким-то шлангом в руке. И подпись: «Вы – герой, вы – победитель! Вам помог ОГНЕТУШИТЕЛЬ!»

По какой-то странной ассоциации у меня в голове родился макет плаката, который мог бы быть выпущен во времена руководства Сергея Шойгу российским Министерством по чрезвычайным ситуациям. Вот представьте картинку: стоит такой небритый пьяный мужик в трухе на голове и в рваном ватнике. В одной руке – бутылка, в другой – зажженная спичка. А рядом горит изба. Мужик испуганно смотрит на небо. А над горящей избой барражирует вертолет, из которого высовывается сам Шойгу в полном парадном генеральском облачении и сердито грозит поджигателю-злодею кулаком. И под-

пись: «Только дом я подожгу, тут же явится Шойгу. МЧС России». Вот такой вот бред...

А еще в этот последний день в Минске мы, как и в предыдущие дни, просто любовались небольшими скульптурами, что разбросаны во множестве по городским улицам, паркам и скверам.

Если вы попадете в Минск, то не поленитесь, погуляйте по нему побольше, никуда не спеша, пешком. Вы увидите и целую бронзовую семью – папу, маму, дочку и сына, которые «гуляют» у одного из городских универмагов. Хрупкую бронзовую девчужку под зонтиком, «остановившуюся» в одном из центральных парков. Даму, что «присела» на скамейку в ожидании любимого. Увидите и нашего почтальона, о котором я уже рассказывал, и повозку губернатора, и сурового зодчего – строителя Минска.

Погуляйте, погуляйте побольше по этому красивому городу и получите огромное удовольствие...

Чистенький, довольно уютный «сидячий» вагон фирменного поезда «Минск – Витебск». Сидим в эдаких «самолетных» креслах, смотрим на большом плазменном экране, висящем прямо над нами, какой-то детектив по одному из бесчисленных романов Устиновой.

Иногда перед нами возникает проводник, он же официант, и вежливо интересуется, не хотим ли мы отведать чаю или кофе.

Ехать от Минска до Витебска нам четыре часа.

Как-то не хочется смотреть этот старый российский сериал по Устиновой, поэтому мы с Ленкой постепенно, под стук колес, впадаем в приятную дрему.

Совсем заснуть у меня не получается – вспоминается только что покинутый нами красавец – Минск...

ВИТЕБСК:

ХАМ ПЕТРОВИЧ, В ГОСТЯХ У МАРКА ШАГАЛА И СНОВА ЭДИК

В Витебск мы прибываем в девять часов вечера. Пока ехали, мне дважды звонил человек, у которого мы планировали остановиться. Зовут его Александр Петрович.

Встреча с ним – это одно, к счастью единственное, темное пятно в нашем путешествии по Беларуси. Оно нисколько не омрачило наших впечатлений вообще от страны и людей, ее населяющих, но осадочек-то остался...

Но обо всем по порядку.

Больше чем за два месяца до поездки в Беларусь я искал спокойное и комфортное местечко, где мы с Леной могли бы остановиться, приехав в Витебск.

И вот так как раз и нарвался на сайт этого само-го Петровича. Хозяин смачно расписывает прелести проживания в своей загородной усадьбе у речки и небольшую гостиницу в самом городе.

Я посмотрел фотографии уютных номеров в витебской гостинице и решил, что это то самое место, что нам необходимо для полноценного отдыха. Ну, и цена, конечно же, была нарисована на сайте вполне подходящая.

Связался с хозяином и забронировал двухместный номер со всеми удобствами на два дня.

Даже вел переговоры с ним о том, чтобы остаться в этом чудесном месте в нашу последнюю белорусскую ночь – ведь мы должны были выехать домой именно из Витебска после отдыха в агроусадьбе.

Александр Петрович грозился встретить нас самолучно на вокзале и довезти до своей шикарной гостевой резиденции...

Итак, на подъезде к Витебску мне дважды звонил этот человек.

– Вы уже едете? – вопрошал он.

– Едем, едем, – радостно отвечал я. – А где вы нас встретите?

– Ой, что-то связь пропадает, совсем вас не слышу, – вдруг забормотал Петрович. – Я сейчас перезвоню...

Минут через пять, когда мы уже катили на поезде по самому городу, он позвонил опять:

– Ну так что, вы уже приехали?

– Да уже почти. Так где вы нас будете ждать-то?

– А чего мне вас ждать, – как-то совсем скучно проговорил он. – Выйдете из поезда, возьмете такси, тут недалеко. Скажете таксисту: «Вези в Лятохи к Петровичу». Они все знают мой дом...

– А Лятохи – это район Витебска такой?

– Ой, что-то опять плохо стало слышно, – внешне плаксиво прогундосил мой собеседник. – Ну, короче, приезжайте. Я вас жду...

Как-то нехорошо тогда опять кольнуло у меня внутри...

Мы вышли на привокзальную площадь, где в ожидании пассажиров стояло с десяток машин. Подошли к ближайшей и спросили водителя, молодого парня:

– В Лятохи в гостиницу к Петровичу довезете?

Таксист удивленно посмотрел на нас, и от этого его взгляда у меня внутри опять что-то нехорошо ёкнуло.

– Ну, можно, конечно... Садитесь. Сорок тысяч устроит?

Сорок тысяч белорусских рублей – это чуть больше ста пятидесяти рублей российских. Если бы мы катались на такси в Петрозаводске, то это была бы нормальная цена. Но в Беларуси за поездку в городской черте это как-то много...

«Ну ладно, – подумал я. – Все-таки вокзал. У нас тоже на вокзале таксисты цены ломают...»

Мы сели в машину и поехали по Витебску, который тоже был просто очарователен при вечернем освещении.

Проскочили центр, покатали по какому-то шоссе, мимо проносились уже дома спальных районов.

– А куда мы едем? – немного дрожащим голосом спросила Ленка.

– Да, а куда мы едем? – переадресовал я ее вопрос водителю.

Парень пожал плечами.

– Куда сказали, туда и едем. В Лятохи.

Тут у меня в груди уже стало ёкать постоянно.

– А Лятохи – это что? – осторожно поинтересовался я. – Это где?

– Лятохи – это что-то вроде дачного поселка на берегу реки. Это за городом.

– Как за городом?! – одновременно вскрикнули мы с Ленкой. – Это как за городом? У нас же номер в городе заказан у этого Петровича!

Таксист только пожал плечами.

Я достал телефон и стал названивать нашему хозяину.

– Александр Петрович, мы тут что-то не поняли. Куда мы едем? Мы у вас номер в вашей городской гостинице заказывали!

Судя по голосу, Петрович был не совсем трезв.

– Какая разница? Ну, поживете у меня в Лятохах, ну и что?

– Да как «ну и что»? Мы хотели жить в Витебске, а не где-то в... – я хотел уже сказать нечто непечатное, но сдержался. – Вы сейчас где?

– А я айя-мля... уфф, – донеслось из трубки, и связь оборвалась.

Больше телефон Петровича не отвечал на мои звонки...

Видя, что я медленно закипаю, как вода в котелке на костре, водитель сочувственно посоветовал:

– Может, обратно в центр поедем? Там найдете гостиницу. Хотя... сегодня пятница, да еще лето... Так сразу свободных номеров и не найти, наверное.

– Да нет уж! Поехали в Лятохи, – меня охватило огромное желание посмотреть в глаза этому Петровичу.

Дело в том, что, устроившись в гостинице, мы хотели погулять по ночному городу, сходить куда-нибудь поужинать – не ели ведь с самого Минска. Теперь все наши мечты рассыпались в прах.

Тем временем мы выехали за пределы города, помчались по лесной дороге, потом вообще свернули на нечто похожее на тропинку.

Ехали-ехали и приехали к массивным деревянным воротам. И стали в них долбиться. Долбились долго.

Наконец нам открыли ворота две очень колоритные личности: небольшой человек явно туркменской или узбекской внешности и старенькая бабуля в заношенном синем халате со шваброй в руках. Зачем ей в кромешной темноте была нужна швабра, остается только догадываться...

– Ты, водила, что тебе нада? Я тебя на серьезе спрашиваю, – гортанно прокричал туркмен-узбек. – Что твоя сюда стучится?

– Гостей привез, – сумрачно ответил наш таксист. – Принимаю людей...

– Людей ждем, да, – декларировал гастарбайтер. – Твоя сейчас отсюда уезжать, а гостей оставить.

– С удовольствием, – сквозь зубы прошипел наш таксист и обратился к нам. – Вам помочь вещи донести?

– Да сами справимся, – тихо ответил я. – Спасибо, брат.

Мы вошли во двор и остановились у двухэтажного сруба с торчащими, как голубятни, окнами мансард под крышами. Узбек-туркмен и бабуля со шваброй молча стали на нашем пути.

– Приехали, значит, – после непродолжительного молчания произнесла бабуля. – Ну, проходите, что ли...

– А где хозяин? – первым делом поинтересовался я. – Он здесь?

Бабуля замялась.

– Занят он сейчас. У него международные переговоры. Так что, селиться будете? – она ухмыльнулась. – Селитесь-селитесь. Время к полуночи. Обратно поедете – милиция вас загребет. Так что давайте ваши чемоданы. Я отнесу в номер. Петрович распорядился, чтобы у вас «люкс» был.

– Милиция злая, да, – вступил в разговор туркмен-узбек. – Ваша личность пока установят – в турме сидеть.

И он рассмеялся, будто сама мысль о том, что мы можем оказаться в местной каталажке, доставляла ему удовольствие.

– Идите за мной, – скомандовала бабка. – Щас я вам открою номер.

Мы пошли вдоль дома, взобрались на невысокую террасу, вблизи которой гуляла веселая ком-

пания (утром я узнал, что это какой-то высокий смоленский чиновник праздновал у Петровича свой день рождения, с размахом праздновал, даже повара личного привез), и вошли в приготовленные нам апартаменты.

Номер представлял собой две маленькие комнаты в деревенском стиле, что само по себе было, конечно, совсем неплохо. Но мы-то хотели жить в городе!

В одной комнате пылал жаром только что истопленный камин. В другой широко раскинулась удобная двуспальная кровать. Кровать была настолько широкая, что, кроме нее, в комнате смогли поместиться лишь узенький шкаф для одежды и одна совсем небогатынькая тумбочка.

В номере мы еще обнаружили душ и биотуалет.

Было отлично слышно, как гуляет за стеной уже сильно подвыпившая компания из Смоленска.

А мы были голодные и злые.

Пока Ленка распаковывала вещи, я вышел покурить на террасу и, к своему удивлению, увидел среди гуляющих под летним навесом... Петровича. Его физиономию я хорошо изучил, поскольку этот жук не стеснялся вывешивать свои фотографии на сайте.

– О! А вот и вы, – произнес я, положив руку ему на плечо. – Здравствуйте, Александр Петрович! А что это вы трубку-то не берете? Я вам уже устал звонить.

Петрович как-то весь съёжился и посмотрел на именинника – смоленского чиновника – который обнимал свою соседку, молоденькую девушку.

– Да я... я тут... а что вам надо?

– Что мне надо?! – я сдвинул на скамейке какого-то толстополого мужика, по-видимому, гостя именинника, и уселся рядом с хозяином. – Мы с вами как, буквально, любовники переписывались. Я забронировал у вас номер в городе. А вы селите нас в этой тьмутаракани, где нельзя даже поесть, не говоря уж о том, чтобы выйти по Витебску погулять, и вы еще спрашиваете, что мне надо?!

Признаюсь, говорил я довольно громко, и сам этот смоленский чиновник, и его повар, и его гости смотрели на меня с некоторым испугом. И сам Александр Петрович, чувствовалось, тоже испугался надвигающегося скандала.

– Вас как зовут?

– Ты и имени моего не помнишь, противный, – ответил я. – Меня зовут тоже Александр, вообще-то. Ты мне сам звонил час назад. Это мы с женой заказывали номер в городской гостинице. Не помнишь? Память отшибло?

– Да-да, конечно, – затараторил Петрович. – Давайте вон там, на террасе, поговорим, а?

– Пойдем поговорим, – согласился я. – Хотя это вряд ли поможет решить проблему.

Мы уже были довольно далеко от пиршественно-го стола, когда Петрович зашипел в ответ:

– Не поможет, это да. Что ты здесь развыступался? Я свою городскую гостиницу сдал немцам на три месяца и получил за это три тысячи долларов. И что мне ваши три тысячи русских рублей за две ночи? Не нравится – аматывай отсюда. Я сам тебе такси вызову. За такси, кстати, еще и запла-тишь. И нечего своими криками тут праздник ува-жаемым людям портить!

– Слушай, ты! Мы элементарно голодные. Мы хо-тели погулять по Витебску и где-нибудь покушать, понял? А теперь мы вынуждены сидеть у тебя в этой избе и ждать утра, чтобы из твоих кущей выбраться, – ответил я хаму. – И что нам прикажешь делать?

– Ложитесь спать, – скалясь, ответил Петрович. – Завтра поедете в город, там и покушаете. Я могу даже вас отвезти туда...

Бить физиономию хозяину не входило в мои планы. Кто его знает, что он может в ответ выки-нуть – вызвать белорусскую полицию, утопить нас в текущей под горкой речке или просто пока-лечить. Поэтому я сказал ему:

– Ну ты, Петрович, и козел!

И вернулся в номер к грустной и голодной Ленке.

Мне было ужасно стыдно за то, что так плохо продолжается наш отпуск в Беларуси.

И тут случилось чудо! Я ведь не зря говорил про добрых белорусов.

В дверь нашего номера тихонечко постучали.

– Кто там еще, – недовольно проворчал я. – Что еще надо?

– Откройте, – раздалось снаружи. – Откройте, пожалуйста.

Я открыл дверь и обнаружил стоящую на терра-се полную симпатичную женщину, которая сму-щенно улыбалась.

– Здравствуйте! Я слышала ваш разговор с Алек-сандром Петровичем. Я здесь администратором работаю. Вы уж извините нас, ради бога. Вы голод-ные, да? Сейчас я все устрою.

И она скрылась в темноте.

Через пять минут добрая белорусская фея вер-нулась. И принесла нам большую тарелку туше-ных овощей, жареное мясо, печенье, чайные па-кетики и даже немного белорусской водки.

– Кушайте на здоровье!

Администратор Петровича даже не заикнулась о деньгах. Чувствовалось, что за хозяина ей было очень стыдно.

Мы с благодарностью приняли подношение, покушали и отправились почивать. Все же хло-потливый выдался денек...

Наутро Александр Петрович удивил меня еще раз. Пока Ленка не встала, я пошел прогуляться по окрестностям поместья, в которое нас занес-ла нелегкая. Спустился к речке, прошел крутыми тропинками к какой-то старой беседке и вернул-ся обратно. У нашей двери стоял Петрович. Как ни в чем не бывало он спросил:

– Ну, как вам спалось?

– Хорошо, – не очень вежливым тоном ответил я. – Вам что-то надо?

– Ага. Надо. Вы оценили, в каком номере живете?

– В смысле, – не понял я. – Что мы должны оце-нить?

– Ну, в номере камин, душ, все удобства. Надо бы доплатить...

– Что?!

– Ну, живете вы здесь как короли. За такой но-мер у нас и цена другая. Надо бы тысячу рублей российских доплатить.

Я сначала задохнулся от возмущения, а потом послал его.

Забегая вперед, скажу, что у Петровича хвати-ло совести звонить нам в конце путешествия и предлагать свои услуги по ночевке в нашу пос-леднюю ночь в дивной стране Беларуси. Ясен пень, он был опять вежливо послан...

Когда Лена проснулась, мы поспешили вызвать такси и уехать из объятий Петровича в славный город Витебск. Как только мы добрались до цент-ра города, поняли, что жизнь наша отпускная на-чинает налаживаться.

Плотно позавтракав в чистенькой и недорогой ка-фешке, мы пошли бродить по Витебску.

Вот тут экскурсовод мне не требовался, так как в 2005 году я изрядно походил по городу и успел уз-нать его славную историю.

Это было как раз тогда, когда мне посчастливи-лось (именно посчастливилось) работать на фести-вале «Славянский базар», брать интервью (скорее это даже были беседы) у Льва Лещенко, Клары Но-виковой, Ольги Кабо, Боярского, Гурченко и многих других известных у нас певцов и актеров.

Славные были дни...

И вот опять я в этом городе.

Витебск – город древний и одновременно моло-дой. Почему так, я объясню чуть ниже.

Его основательницей считается святая княгиня Ольга.

Как гласит легенда, в 974 году она ехала со своей свитой по живописным берегам Западной Двины и оказалась как раз в том месте, где речка Витьба в эту Западную Двину и впадает.

Ей так это место понравилось, что она сказала своим приближенным: «Парни, значит, так. Давайте построим-ка здесь город и назовем его, м-м-м-м, ну, скажем, Витебск. Как вам название, а?»

Свита, понятное дело, радостно зашумела: «Здорово придумано, княгинюшка. Конечно, надо здесь город основать! И название, как всегда, ваша светлость гениальное придумали – Витебск. Ишь ты, так хорошо звучит! Замечательное, мудрое, можно сказать, управленческое решение! Ох, и велика же ты умом, повелительница!»

Так и возникло здесь, на оживленном пути «из варяг в греки», поселение. Место, на котором возник этот город, было действительно многие века стратегически важным. И поэтому за Витебск, начиная со Средневековья, шли постоянные бои. Город не раз разрушался, но очень быстро восстанавливался, как Феникс из пепла.

В 1165 году возникает самостоятельное Витебское княжество, которое спустя сто лет заключает союз с Новгородскими землями и их князем Александром Ярославичем, впоследствии Невским.

Полки Витебского княжества в союзе с новгородцами бьются с псами-рыцарями в Невском сражении и в Ледовом побоище. А Александр Невский за это в 1245 году помогает витебчанам отбиться от литовских войск.

С XIV века Витебск в составе Великого княжества Литовского. Но литовцы не завоевали этот город – его в качестве приданого получил литовский князь Ольгерд, когда женился на дочери витебского князя Ярослава.

Ну что сказать, щедрый был этот князь-папашка...

Затем Витебск принадлежал Российскому государству, потом опять Литве, потом снова России, потом Речи Посполитой.

В ходе Северной войны 1700–1721 годов шведы дотла сжигают Витебск. Его возрождение начинается после того, как 5 августа 1772 года город окончательно входит в состав Российской империи.

И развивается Витебск стремительно.

Уже в 1785 году он – второй по величине город в Белорусской губернии, его численность достигает десяти тысяч человек. В 1802 году образована даже отдельная Витебская губерния.

В 1812 году город захватят наполеоновские войска, и сюда прибудет сам французский император.

Витебск встретит корсиканца неприветливо – две трети жителей с его приходом покинут свои дома и уйдут из города. Это не помешает Наполеону принять решение сделать Витебск своей временной резиденцией.

28 июля 1812 года Наполеон говорит: «Здесь я остановлюсь! Здесь я должен осмотреться, дать отдых армии и организовать Польшу. Кампания 1812 года закончена, кампания 1813 года завершит остальное».

Но планам захватчика сбыться не удастся.

3 августа русские войска соединились в Смоленске, и императору приходится идти дальше, на Москву, чтобы спешно бить русских. Как мы знаем из истории, это у него не получилось.

Именно из Витебска начался тот самый московский поход армии французов, что закончился так бесславно.

После Отечественной войны 1812 года Витебск опять восстановился очень быстро.

В 1825 году в нем живут уже семнадцать тысяч человек, появилось уличное освещение, строятся каменные мосты и дома.

В конце XIX века в Витебске даже появился городской водопровод.

В городе бывали многие знаменитые люди. Дважды – в 1820 и в 1824 годах – в Витебск заглядывало «солнце русской поэзии» – Александр Сергеевич Пушкин.

Кстати, именно на витебской земле ему рассказали трагическую историю любви одного бедного помещика к дочери своего богатого соседа, которая и легла затем в основу его знаменитого «разбойничьего» романа «Дубровский».

В Витебске жили и родители друга Пушкина Антона Дельвига. Бывали здесь Гоголь, замечательный русский художник Илья Репин, который вообще восемь лет прожил в окрестностях города.

Читал здесь свои стихи Маяковский.

А в начале XX века побывал здесь и гений российской словесности Иван Бунин. Он писал о Витебске:

«...Город показался мне древним и не русским: высокие, в одно слитые дома с крутыми крышами, с небольшими окнами, с глубокими и грубыми полукруглыми воротами в нижних этажах.

То и дело встречались старые евреи, в лапсердаках, в белых чулках, в башмаках, с пейсами, похожими на трубчатые, выющиеся бараньи рога, бескровные, с печально-вопросительными сплошь темными глазами.

На главной улице было гулянье – медленно двигалась по тротуарам густая толпа полных девушек, наряженных с провинциальной пыш-

ностью в бархатные толстые шубки, лиловые, голубые и гранатовые.

За ними, но скромно, отдельно шли молодые люди, все в котелках, но тоже с пейсами, с девичьей нежностью и округлостью восточно-конфетных лиц, с шелковистой юношеской опушкой вдоль щек, с томными антилопыми взглядами...

Я шёл как очарованный в этой толпе, в этом столь древнем, как мне казалось, городе, во всей его чудной новизне для меня».

Именно в Витебске в 1895 году первая российская женщина-парашютистка Ольга Древницкая совершила свой первый прыжок. Так что и к истории российской авиации этот замечательный город имеет непосредственное отношение.

В годы Великой Отечественной войны Витебск был буквально стерт с лица земли во время ожесточенных боев. Когда его освободили советские войска, тут оставались считанные единицы домов и всего сто восемнадцать жителей. Остальные были уничтожены гитлеровцами или бежали. Последних было не так много...

Вот почему я назвал Витебск «древним и одновременно молодым». Потому что после войны его фактически отстроили заново.

Мы с Леной были на огромной витебской площади Победы, самой большой в Беларуси площади, на которой сооружен грандиозный мемориальный комплекс в честь героев Великой Отечественной. Здесь же горит Вечный огонь в память о погибших в войну солдатах, партизанах и просто мирных жителей.

Вообще, в Беларуси к памяти погибших в эту войну относятся, как мне показалось, очень трепетно – воинские захоронения, братские могилы находятся просто в идеальном состоянии. И не важно, где они расположены: в крупных городах или в маленьких поселках.

Оно и понятно, вряд ли на территории бывшего Советского Союза найдется земля, где так лютовали фашисты.

Рядом с мемориалом сейчас расположен красивый парк, где выставлены танки, пушки, БТРы, вертолеты и самолеты с символикой белорусской армии.

Особенно выставка военной техники, как мы заметили, интересуют детишек – они ловко ползают по всему этому военному великолепию, гроздьями висят на стволах и башнях, на крыльях истребителей.

Что интересно, вся техника, что стоит в парке, не исписана граффити и похабными надписями, как это часто бывает в России...

А еще Витебск с советских времен считается культурной столицей Белорусской республики. Здесь работает знаменитый Национальный академический драматический театр имени Якуба Коласа, на сцене которого блистали замечательные актеры, гордость советской, российской и белорусской театральных школ.

Сюда приезжают с гастролями замечательные, имеющие мировую известность музыкальные и театральные коллективы. Здесь, наконец, проводится «Славянский базар».

Сейчас население Витебска составляет более 367 тысяч человек, то есть примерно на сто тысяч больше, чем в Петрозаводске.

С площади Победы мы с Леной вызвали такси и поехали на Покровскую улицу.

Здесь чудом сохранился дом, в котором в детстве жил один из самых любимых мною художников – Марк Шагал. В 2005-м я не успел побывать в этом доме, хотя очень хотел. Теперь моя мечта сбылась.

Марк (или Мойше) Шагал родился 6 июля 1887 года не в этом доме, хотя тоже здесь, на окраине Витебска. Совсем маленьким отправил его отец жить к деду за сорок километров от города.

Потом дед умирает, и отец будущего художника Хацкель Шагал покупает на Покровской улице деревянный дом (он не сохранился), а позже рядом строит дом каменный. Это как раз то самое здание, где жил и рос маленький Мойше и именно в нем сейчас расположен дом-музей мастера.

Сохранилось описание того, чем владели родители Шагала – Хацкель и Фейга-Ита в Витебске.

Недвижимое имущество этой семьи состояло из «каменного 1-этажного дома с лавкой, деревянного дома, двух флигелей во дворе и дощатого сарая». До наших дней сохранился один каменный дом.

В доме Шагала бережно воссоздана обстановка, в которой жили он и его родители: гостиная с цита-тами из Торы на стенах, жилые комнаты, кухня и даже воссоздана часть бакалейной лавки, которую со-держала семья. Вещи в экспозиции практически все подлинные, конца XIX – начала XX века. В аккуратных рамках развешаны семейные фотографии Шагала и рисунки Марка.

– Фотографируйте все, что хотите, это можно, – предупредила нас смотрительница музея. – Кроме рисунков Шагала. Их снимать запрещено.

Бродя по этим комнатам, я представил себе, как молодой Шагал ссорился здесь с отцом, который не желал видеть своего сына художником.

Где-то здесь и состоялся их последний серьезный разговор перед отъездом Марка на учебу в Петроград.

Сам Шагал описал этот разговор очень подробно:

«Захватив двадцать семь рублей – единственные за всю жизнь деньги, которые отец дал мне на художественное образование, – я, румяный и кудрявый юнец, отправляюсь в Петербург вместе с приятелем. Решено! Слезы и гордость душили меня, когда я подбирал с пола деньги, – отец швырнул их под стол. Ползал и подбирал.

На отцовские расспросы я, заикаясь, отвечал, что хочу поступить в школу искусств...

Какую мину он скроил и что сказал, не помню точно. Вернее всего, сначала промолчал, потом, по обыкновению, разогрел самовар, налил себе чаю и уж тогда, с набитым ртом, сказал: «Что ж, поезжай, если хочешь. Но запомни: денег у меня больше нет. Сам знаешь. Это всё, что я могу наскрести. Высылать ничего не буду. Можешь не рассчитывать».

С тем Шагал и уехал из этого, в котором мы сейчас находились, родного ему дома.

Потом была жизнь в Петрограде, возвращение в Витебск после революции. Работа уполномоченным комиссаром по делам искусств Витебской губернии. 28 января 1919 года стараниями Марка

Шагала в Витебске открывается художественное училище.

Затем опять Москва, где он трудится художником-оформителем в Московском еврейском камерном театре, учительствует в колонии для беспризорников «III Интернационал».

Потом отъезд в Литву, оттуда во Францию, в Париж, а оттуда (после начала Второй мировой войны) – в Америку.

Приходит мировая слава, его картины замечательно продаются.

После победы над фашистами – опять Париж.

Шагал множество своих картин посвятил Витебску, хотя он писал не только картины. Художник работает и как скульптор, увлекается керамикой.

Ему заказывают оформление израильского парламента, католических, лютеранских храмов и синагог во всем мире.

Он украшает своими росписями театр «Гранд-опера» в Париже и «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке.

Всемирно известный художник Марк Шагал уйдет из жизни 28 марта 1985 года во Франции.

А ведь все началось с тех двадцати семи рублей, что швырнул ему отец под ноги в том самом витебском доме, по которому мы с Ленкой сейчас ходим.

Вот что интересно. В 1991 году, когда в этом доме была открыта первая небольшая музейная экспозиция, посвященная Марку Шагалу, в его комнатах еще проживала семья старого витебского еврея маляра Зиновия Мейтина. И какое-то время дом был одновременно и жильем, и музеем.

*Памятник Марку Шагалу
«Витебская мелодия
на французской скрипке»*

Перед музеем Шагала, во дворе дома, стоит очень красивый, какой-то уютный, небольшой памятник художнику. Марк Шагал изображен молодым и кудрявым, играющим на скрипке. Скульптура называется «Витебская мелодия на французской скрипке»...

Мы еще долго гуляли с Леной по городу.

Полюбовались главным православным собором, что стоит на высоком берегу Западной Двины прямо в центре.

В Витебске вообще много красивых храмов, но мне почему-то запала в душу небольшая деревянная церковь Александра Невского, что сейчас стоит у гостиницы «Витебск». Церковка старинная, очень напоминающая наши северные деревянные часовни. Она явно в город была откуда-то перенесена. А рядом с церковью – большая могила, над которой стоит православный деревянный крест. На кресте надпись: «Здесь перезахоронены останки древних жителей г. Витебска».

Вероятно, это те останки, которые находили археологи во время своих изысканий в городе.

Я был просто поражен таким уважением к предкам...

Когда мы стояли на Кировском мосту, центральном и очень красивом мосту города, позвонил Эдик.

– Привет, Саня! Вы где?

– Мы в Витебске. Вот стоим на Кировском...

– Ты будешь смеяться, но я тоже в Витебске.

– Дружище, да это же повод встретиться!

– Еще какой! Давайте я подъеду к вам минут через десять.

Эдик появился даже раньше, чем обещал.

По случаю встречи было решено устроить небольшую пивную вечеринку.

– По паре кружечек, – уговаривал себя Эдик. – И я домой. Жена ждет.

Жене Эдика в этот вечер пришлось ждать его долго.

Сначала мы уселись в кафе с историческим названием «У Ольгерда». Это как раз имя того литовского князя, что женился на дочке витебского князя и получил Витебск в приданое.

Потом заведение закрылось, и мы пошли гостевать по кабачкам, расположенным в историческом квартале города. Там есть такая улочка, где воссоздан старый Витебск. Жилых домов на ней нет, в зданиях расположились какие-то присутственные места и множество ресторанчиков и

кафе. Окна присутственных мест были темны, как украинская ночь, а витрины кабачков, наоборот, гостеприимно светились.

Я рассказал Эдику о том, как мы оказались на жительство за городом, и о выкрутасах Петровича. Мой друг посуровел.

– Саня, я прошу у тебя прощения.

– А тебе-то за что у меня прощения просить?

– За то, что такое свинство произошло с вами у нас, в Беларуси. Вот из-за таких уродов и портится впечатление о наших людях.

Эдик, чувствовалось, расстроился, и мы с Леной наперебой принялись его убеждать, что это все просто мелочь, о которой мы уже почти забыли. И что это досадное недоразумение совершенно не испортило нам впечатлений о Витебске и людях, его населяющих.

После пары бокалов белорусского пива Эдик расслабился и заулыбался.

Опять стали говорить о политике, потом перешли на цены в белорусских магазинах. Их мы уже успели посетить изрядно и в Минске, и в Витебске.

– Слушай, Эдик, а цены на продукты и одежду у вас не такие и низкие, как говорят в России, – заметил я.

– Вот косметика всякая – это да, она у вас тут дешевая, – продолжила тему Лена. – Бытовая техника дешевле, чем у нас. А вот все остальное... дешевле, конечно, но ненамного, если сравнивать с российскими ценами.

Эдик усмехнулся.

– Вот смотрите, ребята. Я, по белорусским меркам, неплохо зарабатываю. Но чтобы хорошо одеться самому и одеть жену и сына в Беларуси – у меня элементарно не хватит денег. А ведь я еще и ремонт в квартире сейчас делаю, машину надо содержать.

Поэтому мы регулярно ездим в Украину. Там, в трехстах километрах от белорусской границы, у города Хмельницкий, есть такой рынок, куда украинские предприниматели везут товары специально для продажи таким, как я, белорусам.

Вот там мы можем купить хорошие вещи по значительно более низким ценам, чем дома. И в Украину на такой шопинг по необходимости едут тысячи белорусов.

Хорошие вещи у нас стоят почти столько же, сколько и у вас, но вы сравните ваши зарплаты и наши. Ваши пенсии и наши. И если даже учесть, что мы за коммунальные услуги платим в разы меньше, чем вы в России, что у нас общественный транспорт – метро, автобусы, железная дорога – стоит, по вашим меркам, копейки, все рав-

но не хватает на все. Особенно бюджетникам. Приходится выкручиваться. Такие дела...

– А почему продукты у вас в магазинах совсем не дешевые? Ведь все же свое в Белоруссии, агрофирмы, птицефабрики, колхозы, совхозы...

– Белорусы продукты в большей степени сейчас предпочитают покупать на рынках. А в магазинах почему так дорого? Так потому что вы приезжаете и в них все покупаете.

В последний наш день в Беларуси я нашел подтверждение словам Эдика.

Мы с Леной пошли в один из крупных витебских универмагов «Евроопт», что расположился прямо у нашей гостиницы. «Евроопт» – это такая торговая сеть, типа нашей «Ленты» или «Пятерочки».

Там мы увидели (да и сами так же сделали), как гости из России набивают полные тележки белорусской колбасой, копченой рыбой, алкоголем, белорусской косметикой, конфетами и шоколадом. Почему? Все это мы сейчас покупаем в Беларуси даже не из-за того, что цены чуть ниже. Просто, думается мне, тут вопрос качества.

Чего нельзя у братской страны отнять, так это то, что контроль за производимой здесь продукцией очень жесткий.

Вот за это качество мы и любим все белорусское...

И в этом же «Евроопте» я видел, как местные пожилые люди берут в роскошном по ассортименту мясном отделе себе по две сосиски или по двести граммов колбасы. И все.

Да, хлеб в Белоруссии, по российским меркам, очень дешевый. И вкусный.

Мы расстались с Эдиком уже ночью. Поймали такси и, прежде чем ехать к несимпатичному нам Петровичу, отвезли нашего друга к дому тещи.

Прощаясь, мы договорились, что он с семьей приедет к нам в агроусадьбу на озеро Долгое, где мы будем лакомиться шашлыками.

С тем и распрощались. Надеюсь, что той ночью Эдик не получил строгого выговора от жены за весьма позднее появление...

До дома Петровича добрались уже в полной темноте и как подкошенные свалились спать в своем проклятом «люксе».

(Окончание в следующем номере)

Александр ЕРШОВ

родился в 1964 году в Медвежьегорске.

Окончил исторический факультет Петрозаводского университета.

*Работал в печатных СМИ и на телевидении,
в настоящее время — в энергетической компании.*

Автор книги «Городские истории. Путевые заметки» (Петрозаводск, 2011).

В журнале «Север» публикуется с 2011 года.

Член Союза журналистов РФ.

Живет в Петрозаводске.

